

В. А. Мазиллов, Н. Ю. Стоюхина, А. И. Махалин

**«Большой психолог и методолог психологии»:
к 100-летию со дня смерти Гуго Мюнстерберга**

В данной статье, посвященной 100-летию со дня смерти Гуго Мюнстерберга, авторы освещают одну из многих граней его творчества: осмысление «типично американских» человеческих черт, открытых им после приезда в США. Удивительно яркая карьера в новой стране дала возможность Мюнстербергу, безусловно положительно оценивая американцев-работников, выделить их следующие черты: расчетливость и проницательность; большой интерес к процессу зарабатывания денег, а не к самим деньгам; неумение отдыхать, ибо в зарабатывании денег таится удовольствие; отношение к труду как к ценности и вера в это; постоянно развивающийся дух самостоятельности; понимание равноценности любой работы; чувство социального равенства; безусловная потребность в свободной конкуренции; презрение к мелочным расчетам; отсутствие зависти; экономическое доверие к другому, основанное на чувстве чести и изобретательности; рациональное расходование своих сил; деловитость во всякой работе и аккуратность; узкая специализация в вопросах производства, знакомящая с многообразием совершающихся процессов и т. д. В молодой советской стране очень старались заимствовать эти черты, привить их рабочим, но только отношение ко времени как трудовой категории, через которую можно воздействовать на работника, успели проговорить и отчасти методически проработать «эльвисты», нотовцы и психотехники.

Ключевые слова: Гуго Мюнстерберг, Вильгельм Вундт, Уильям Джеймс, Гарвард, практическая психология, американцы, основы психотехники, психология, экономическая жизнь.

V. A. Mazilov, N. Yu. Stoyukhina, A. I. Makhalin

**«The Big Psychologist and Methodologist of Psychology»:
to the 100 anniversary from the date of Gugo Myunsterberg's death**

In this article, dedicated to the 100th anniversary since the death of Hugo Munsterberg, authors highlight one of many facets of his work: understanding «typically American» human traits, opened by him after arriving in the United States. Surprisingly bright career in a new country enabled Munsterberg, definitely welcoming of American-workers, to allocate their following traits: prudence and sagacity, great interest to the process of making money, and not to the money, inability to relax, because making money is hidden fun, attitude to work as a great value and belief in it, constantly developing the spirit of initiative, understanding of the equivalence of any work, sense of social equality, absolute need for free competition, contempt for petty calculations, lack of envy, economic confidence in the other, based on the sense of honour and ingenuity, rational expenditure of their strength, business-like in all their labour and accuracy, narrow specialization in production acquainting with variety of ongoing processes, etc. In the young Soviet country people tried very hard to borrow these traits, to instill them to workers, but representatives of League «Time», Scientific Organization of Labour and psychotechnics managed to identify and partially develop a methodology for only the relation to time as a labour category, through which you can influence the worker.

Keywords: Hugo Munsterberg, Wilhelm Wundt, William James, Harvard University, applied psychology, the Americans, fundamentals of psychotechnics, psychology, economic life.

В 2016 г. исполнилось 100 лет со дня смерти удивительного ученого Гуго Мюнстерберга (1863–1916). Удивительно многое и в его жизни, и в его смерти, и в посмертной славе. Несомненно одно: Г. Мюнстерберг – выдающийся представитель психологической методологии, психологической науки и психологической практики в одном лице, случай, можно сказать, уникальный. Не удивительно, что вокруг его имени много домыслов, мифов, легенд. Настоящая статья не претендует на создание целостной характеристики жизненного пути и деятельности выдающегося ученого. Задача статьи намного скромнее. Стоит она в том, чтобы по возможности способствовать созданию объективной оценки роли

ученого в мировой психологической науке, уточнить некоторые моменты, которые неоднозначно освещаются в литературе о Г. Мюнстерберге.

Блистательно складывающаяся в США карьера в конце жизни едва не была полностью разрушена.

Г. Мюнстерберг активно участвовал в дискуссиях по поводу введения запрета на продажу алкогольных напитков. Он выступил против сухого закона, обосновывая свою позицию с точки зрения психолога, доказывая, что умеренная торговля алкогольными напитками даже выгодна. Немецкие пивовары, работающие в США, включая Адольфуса Буша и Густава Пабста, были в восторге от того, что их поддержал сам Мюн-

стерберг, и внесли крупную денежную сумму для поддержки его усилий по улучшению образа Германии в Соединенных Штатах [22]. К несчастью, Буш выделил Мюнстербергу 50 тысяч долларов для основания Германского музея буквально через несколько недель после того, как Мюнстерберг опубликовал статью с критикой сухого закона, что в атмосфере шпиономании того времени привлекло внимание средств массовой информации. «Президенту Гарвардского университета и большинству коллег Мюнстерберга была не по душе вся эта шумиха вокруг него, его заинтересованность практическим применением психологии они также не приветствовали. Напряженные отношения достигли предела, когда в годы Первой мировой войны Мюнстерберг во всеуслышание защищал свою немецкую родину. Война вспыхнула в Европе в 1914 г., и, хотя вплоть до 1917 г. Соединенные Штаты не вступали в конфликт, в американском обществе господствовали антинемецкие настроения. Германия была агрессором в войне, которая уже унесла миллионы жизней, и Мюнстерберг, открыто защищая Германию, занимал позицию более чем непопулярную» [22, с. 240]. Мюнстерберг оставался лояльным подданным Германии. В 1912 г., издавая книгу «Психология и экономическая жизнь» на немецком языке в Германии, он писал: «Пусть же эта первая попытка хотя бы в общих чертах нарисовать картину экономической психологии послужит к тому, что Германия станет в первые ряды этого нового научного движения в интересах самой науки и на благо национальной экономической мощи» [12, с. 5]. Из приведенной цитаты хорошо видно, что Г. Мюнстерберг позиционирует себя как гражданин Германии.

Газеты сообщали, что Мюнстерберг, так и не принявший гражданства Соединенных Штатов, в действительности был секретным агентом, шпионом и высокопоставленным немецким офицером. Бостонские газеты призывали к увольнению его из Гарварда. Соседи подозревали, что голуби, которых его дочь кормила на заднем дворе, использовались для переправки сообщений другим шпионам. Один из бывших питомцев Гарварда посулил университету 10 миллионов долларов, если Мюнстерберга уволят... Мюнстерберг получал письма с угрозами, коллеги оскорбительно высказывались в его адрес. «Остракизм и ядовитые нападки в конечном счете сломали его дух. Холодным ветреным днем 16 декабря 1916 г. в газетах появились предположения о мирных переговорах в Европе. “К весне установится

мир”, – сказал Мюнстерберг жене... Он отправился на утреннюю лекцию пешком, через глубокие сугробы. Добравшись до университета, он почувствовал себя очень уставшим. Однако он вошел в аудиторию и начал лекцию. Он говорил “примерно полчаса, затем, казалось, запнулся на какое-то мгновение, протянул правую руку к столу, будто хотел опереться” (New York City Evening Mail, December 16. 1916). Он упал на пол на полуслове и тут же умер от обширного удара» [22, с. 240]. Так завершилась американская карьера выдающегося психолога.

О Гуго Мюнстерберге в современной историко-психологической литературе упоминается достаточно, чтобы создать представление о его вкладе в мировую психологию: «большой психолог и методолог психологии, основатель психотехники, сторонник прикладной психологии» [3, с. 204]; «несмотря на особенности своего немецкого характера, он был истинным, в духе своего времени, американским психологом» [15, с. 225]; отстаивал альтернативное тейлоризму направление – психотехнику [17, с. 162]. Из публикаций узнаем о необычной судьбе, что было связано, в первую очередь, с местом его рождения – Германией, где он также учился, и с местом его успеха – Соединенными Штатами Америки. О научных интересах Мюнстерберга узнаем, что ему принадлежит первенство в основании ряда направлений практической психологии [3, 6, 7, 13, 15, 19, 20, 21]. Отдельный очерк о его роли как «предтечи Л. С. Выготского в методологии психологического познания» посвятил В. М. Мунипов [8].

Остановимся на некоторых моментах его биографии.

Выдающийся немецкий (или немецко-американский, или американский немецкого происхождения) психолог и философ, основатель прикладной психологии, Г. Мюнстерберг был сыном еврея, торговца пиломатериалом Морица Мюнстерберга и художницы и домохозяйки Минны Анны Бернгарди. Родился 1 июня 1863 г. в Данциге (сейчас – г. Гданьск, Польша). Заканчивая гимназию, Г. Мюнстерберг уже был сиротой – мать умерла, когда ему было 12 лет, а отец ушел из жизни в год окончания гимназии. Понимая, что для дальнейшей карьеры в Германии лучше быть христианином, он принял католичество и в 1882 г. поступил в Лейпцигский университет на медицинский факультет, но через год, после прохождения курса В. Вундта, начал изучать психологию. В 1885 г. защитил диссертацию

под руководством В. Вундта. Пожалуй, все литературные источники отмечают связь «учитель – ученик» Г. Мюнстерберга с В. Вундтом. В 1887 г. ему присвоили степень доктора медицины в Гейдельбергском университете.

Тогда же он женился, и его приняли во Фрайбургский университет, где он основал экспериментально-психологическую лабораторию, которую в основном сам и финансировал. К тому же частично она находилась в его доме.

Вначале он занимался сугубо теоретической интроспективной психологией в традициях своего учителя В. Вундта, а именно исследованием воли, утверждая, что воля не является непосредственно, но осознается как изменение в мышцах, суставах и сухожилиях. Эти ранние исследования психологии воли были известны другим ученым, например, «восхитили У. Джеймса в Гарварде» [23, с. 115]. Зимой 1892 г. именитый американский ученый пригласил Мюнстерберга «взять на себя ответственность за психологическую лабораторию и высшее обучение в Гарвардском университете» сроком на три года, хотя надеялся, что это будет постоянное место работы немецкого ученого.

Свои впечатления Мюнстерберг описывал так: «Америка поразительно мало дала в области истории философии; все потребности здесь удовлетворяются, главным образом, переводами с немецкого или компилятивными учебниками. Напротив, теория познания, этика и, больше всего, психология находятся в полном расцвете» [10, с. 96]. И далее: «Из философских дисциплин наибольшим вниманием пользуется в настоящее время в Америке психология. Даже с внешней стороны об этом свидетельствует развитие лабораторий экспериментальной психологии, которые и по числу, и по своему оборудованию стоят гораздо выше европейских. В Америке существует свыше тридцати лабораторий, тогда как Германии приходится довольствоваться шестью. Во главе движения стоит здесь Виллиам Джэмс, который, наряду с Вундтом, является самым крупным современным психологом и гениальные работы которого по анализу явлений сознания, – работы, отличающейся своей свежестью и живостью, энергией и чуткостью, – служат чрезвычайно характерным выражением американского духа. Рядом с Джэмсом работают и другие выдающиеся исследователи, как Стэнли Голль, Каттель, Бальдуин, Лэдд, Санфорд, Тиченер, Анджелль, мисс Калкинс, Скрипчур (Стэнли Холл, Кеттелл, Болдуин, Лэдд, Сэнфорд, Титче-

нер, Энджелл, мисс Калкинс, Скрипчур. – В. Мазюлов, Н. Стоюхина, А. Махалин) и др.» [10, с. 97].

Первая лекция Г. Мюнстерберга состоялась в 1894 г., то есть через полтора года после приезда в США – он осваивал английский язык для чтения лекций, контролировал научные исследования и обучение аспирантов. Сам он мало занимался исследованиями, но активно работал над книгой «Основы психологии» (1900).

После окончания ранее оговоренного трехлетнего срока Мюнстерберг попытался найти место в каком-либо немецком университете, но должности не нашлось, как предполагает Бенджамин, либо из-за еврейского происхождения, либо из-за несогласия со взглядами В. Вундта [23, с. 117], и осенью 1897 г. он вернулся в Гарвард, теперь уже насовсем¹.

Он вновь возглавил психологическую лабораторию, его избрали президентом Американской психологической ассоциации (АРА) в 1898 г., и самое главное – он переключается на проблемы практического применения психологии.

За годы, прожитые в США, Мюнстерберг опубликовал ряд работ, касающихся вопросов как экспериментальной, так и прикладной психологии (*The danger from experimental psychology*, 1898; *Psychology and life*, 1899; *Gründzuge der psychologie [Principles of psychology]*, 1900; *American traits: From the point of view of a German*, 1901; *The Americans*, 1904; *The psychological laboratory in Emerson Hall*, 1906; *Experiments with Harry Orchard*, 1907; *On the witness stand: Essays on psychology and crime*, 1908; *Psychotherapy*, 1909; *Psychology and the market*, 1909; *Psychology and the teacher*, 1909; *Letter to Doubleday Page*, 1913; *Psychology and industrial efficiency*, 1913; *Business psychology*, 1915; *The photoplay: A psychological study*, 1916), но нас в этом списке заинтересовала работа «Американцы» (*The Americans. New York: McClure, Phillips. 1904*), начало которой было положено в работе «Американский характер: с точки зрения немца» (*American traits: From the point of view of a German. Boston: Houghton-Mifflin, 1901*).

Следует отметить, что Мюнстерберг приехал в Америку, намереваясь остаться здесь на три года, и представлял себе поездку как приключение, возможность изучить Америку и «проверить» американское общество. Тогда он поддерживал многие предрассудки про американцев – про их бескультурье и неполноценность образования, которые были распространены среди

немцев его социального статуса и уровня образования. В 1904 г. вышла книга «Американцы», переведенная с немецкого языка в России всего через два года, в 1906 г., А. А. Громбахом и изданная в двух томах.

Эта книга, рассматриваемая в перспективе дальнейшего творчества Г. Мюнстерберга, представляет определенный интерес и для становления советской психотехники (в 1920-х гг.). Итак, в предисловии А. А. Громбах пишет о желании автора настоящей книги рассеять предубеждения, существующие у его соотечественников по отношению к Америке и ее жителям. Не только немецкая, но и русская публика Америку представляет себе как страну машин, страну наживы, страну политических новшеств и экспериментов, и читатели будут искренно удивлены, «когда в этой книге встретятся с категорическим заявлением автора, что американцы – народ сантиментальный, что в своей массе они, в сущности, консервативны, и что их “погоня за долларом” имеет глубокие нравственные основы» [9, с. VII]. Русский читатель должен с большим интересом отнестись к книге, так как между Россией и США нет конкуренции в торговле, миллионы русских эмигрантов в Америке не связывают свою старую и новую родину, то есть налицо – чистый интерес. «Страна полной свободы, она показывает нам, еще только приближающимся к свободе, наряду с ее прелестями, также ее вредных спутников; всеобщее равенство, последовательное проведение демократического принципа имеет далеко не одни положительные стороны, и ... именно отрицательные стороны демократии должны привлечь к себе наше внимание, чтобы, отдав себе в них ясный отчет, мы могли хотя бы попытаться избежать их. Страна, где, наряду с процветающей промышленностью, существует в грандиозных размерах земледельческое производство, может многому научить нас, у которых сельское хозяйство находится в полном упадке, а промышленность в одно и то же время искусственно развивалась под охраной начальства и тормозилась искусственно же поддерживаемыми народными невежеством и нищетой. Америка показывает нам капиталистическую промышленность в высшей из достигнутых ею донныне стадий развития, – объединенную в руках огромных трестов, и при этом рабочее движение, коренным образом отличающееся от того, какое мы видим на европейском континенте. Особенности американской жизни ...должны показать всякому, что история не знает шаблонов, что и при сходстве

экономических условий результаты могут получаться очень различные и что основой этих различий, заложенных глубже экономических условий, является сам человек со своей сознательной волей» [9, с. VII].

А. А. Громбах видит особое значение в том, что автор книги – психолог, то есть он философски мыслит, обладает широким кругозором, свободен от предвзятых мнений и предрассудков, отрицательные стороны в характере американцев он пытается описать объективно, и своих соотечественников высмеивает беспощадно там, где это того заслуживает. Главное же в работе, что Мюнстерберг в своих объяснениях исходит от конкретного живого человека, «желающего и страдающего, не только создаваемого жизнью, но и создающего ее», он «всегда видит перед собою человеческую личность, и масса для него – именно собрание единиц, а не какая-то собирательная, почти отвлеченная величина» [9, с. X]. Ввиду этого книга представляет собой «социологический этюд лучшего типа», знакомит читателей детально с жизнью чужой страны, сопоставляя ее со знакомой действительностью.

Автор в начале книги заявляет о своем участии в посреднической работе, способствующей плодотворному взаимному обмену идеалов.

Мюнстерберг считает необходимым рассмотреть составные черты национального характера, так как «колоссальные экономические успехи, бесспорно, имеющие и свои вредные и опасные стороны, могут быть поняты лишь в том случае, если за точку отправления принять натуру американца» [9, с. 287], и среди множества граней, которые подробно и порой многословно он описывал, «самодеятельность» в сфере экономической жизни – важнейшая черта американского народа, ведь «огромное маховое колесо экономической жизни приводится в движение стремлением к самодеятельности» [9, с. 287].

Основная претензия европейцев состоит в том, «будто страсть к золоту, погоня за долларом убили в душе американца всякое более возвышенное стремление, и так как у него нет высших культурных потребностей, то он может с откровенной бесстыдной алчностью служить мамоне; обладая душой варвара, он, пожалуй, может достигать в делах больших выгод, нежели те, у кого есть и сердце, а не только бумажник, и чей ум направлен в сторону истинной культуры» [9, с. 289]. Так ли это? Далее автор подробно и убедительно развенчивает это положение.

Какой же он, американец, в экономической жизни?

– Если он выигрывает на бирже, то выигрыш воспринимает как заработок, потому что он предварительно вникал в положение рынка, долго следил перед покупкой бумаг за биржевыми известиями, советовался с друзьями и наводил справки, так что выигрыш, по его убеждению, – «результат его собственной расчетливости и пронырливости» [9, с. 292], в то время как к выигрышу как игре случая он, по мнению Г. Мюнстерберга, чувствовал бы внутреннее отвращение.

– Многих поражает размах благотворительности; действительно, «в Америке больше всего жертвуется без огласки, и наибольшие суммы составляют, конечно, из тех маленьких пожертвований, о которых не доводится до общего сведения» [9, с. 293]. И автор верит, что народ, который так щедро дает, «стремится к золоту, но нельзя сказать, что он за золото цепляется» [9], потому что американец спокойно относится к денежным потерям, приводя в недоумение европейца. Одним из источников равновесия в этом случае является «его неистребимый оптимизм, он никогда не теряет надежды и верит, что потерянное снова скоро будет приобретено» [9]. Для него важна борьба за обладание, а не само обладание деньгами: «Американец гоняется за деньгами точно так же, как при игре в теннис изо всех сил гоняется за мячом; но удовольствие ему доставляет игра, а не награда за борьбу. И когда ему случается потерять, то не чувствует себя так, как будто вместе со своим достоянием лишился до известной степени части своего “я”; он только как бы проиграл в спорте последнюю партию» [9, с. 294].

– Американцы много работают и, по мнению европейцев, не умеют отдыхать, но они не учитывают, что самодеятельность, связанная с зарабатыванием денег, доставляет им больше удовольствия, чем могла бы доставить трата денег в какой бы то ни было форме. Все дело в том, что «экономическая жизнь означает для американца создание таких реальных величин, которые сами по себе имеют ценность. Эта жизнь для него не средство, ведущее к известной цели, а сама цель» [9, с. 296].

– Ценностное отношение к своему труду присуще американцам более, чем другим современным народам. Они склонны создавать экономические ценности, что само по себе является культурной работой в высшем смысле, ценность ко-

торой не зависит от того, приносит ли она пользу создающему или нет, но развивает жизнь национального экономического организма. Об этом знали «царственные купцы в прошлом Европы, это знают и теперь многие ганзейцы», но обычным людям такой взгляд на труд не близок, при этом «вся американская атмосфера проникнута именно этим чувством» [9, с. 297]. Мюнстерберг видел национальную задачу, стоящую перед каждым американцем (и принятую им), – «использовать экономические силы огромной страны, сделать леса и поля, горы и реки достоянием экономической культуры, возбуждать в миллионном населении все новые потребности и удовлетворять эти потребности собственными средствами, увеличивать богатство нации и, в конце концов, экономически господствовать над всем миром, а внутри собственного народа повысить экономическую силу каждой отдельной личности до неслыханного уровня» [9, с. 298], а вера в культурную ценность этой цели облагораживает работу каждого. При этом содержанием жизни для американцев служит не награда за труд, а сам труд – экономическая культурная деятельность.

– Постоянно развивающийся дух самодеятельности в народе, последовавший за духом самоопределения первых завоевателей Америки, значительно развился и окреп. Богатство, к которому стремится каждый, показывает, что у рабочих, ремесленников, крестьян выросли жизненные потребности, за свой труд они желают пользоваться почетом со стороны окружающих, что является еще одним источником чрезвычайного усиления экономической жизни. «Высокие жизненные потребности рабочего, ремесленника, крестьянина больше всего способствуют увеличению экономических сил нации» [9, с. 301].

– Всякая работа требует уважения и никогда не унижает того, кто ее делает, – еще одно правило американца. Равноценность любой работы придает новые черты самодеятельности благодаря чувству социального равенства, существующему в Америке в широких пределах. «Приносит ли работа больший или меньший доход, требует ли она значительной или незначительной подготовки, это считается несущественным при оценке человека. Решающее значение принадлежит тому факту, наполнена ли его жизнь самодеятельностью, или он пассивно принимает те условия существования, в которые поставлен» [9, с. 302].

– Постоянное прилежание в работе требует от американцев использовать свои силы правильно – «именно в этом искусстве американ-

ский народ достиг такой высоты, какая недоступна ни одной из других наций» [9, с. 302]. Они не злоупотребляют алкоголем, хорошо питаются, не переутомляются, виртуозно распределяют время, ведь, «кто постоянно должен спешить, тот плохо распорядился своим временем, у того, следовательно, нет ни для какого дела достаточно времени, чтобы сделать это дело вполне хорошо. Американец совсем не спешит; но он располагает свое время такими образом, чтобы нигде этот драгоценный материал не тратился понапрасну. Он не любит ожидания и безделья. Одна работа следует непосредственно за другой, и каждая с деловой точностью выполняется, когда до нее доходит очередь» [9, с. 303]. В то же время американец тратит много времени на туалет, на спорт, на чтение газет, то есть на дела, вроде бы, лишние для занятого человека.

– Деловитость во всякой работе и аккуратность в обширной переписке – это то, чем достигается максимальная продуктивность при минимальном трении благодаря величайшей точности в работе всех частей деятельности. Г. Мюнстерберг сравнивает американского работника с максимально продуктивным аппаратом, работающим с минимальным трением благодаря величайшей точности в работе всех его частей [9, с. 304].

– Европейцам зачастую кажется, что американское разделение труда и специализация ведут к тому, что каждый отдельный рабочий знает только небольшую часть производства, обрабатывает одну и ту же частицу производимого продукта. По мнению Мюнстерберга, именно специализация приводит к величайшему мастерству и дает знакомство с многообразием совершающихся процессов, в результате «рабочий начинает стремиться самостоятельно понять их и способствовать разрешению стоящих еще на очереди вопросов. ...Только тот, кто специализируется и сосредотачивается на чем-нибудь одном, получает способность направлять свое внимание на мелкие различия» [9, с. 304], поэтому именно специалист-работник двигает вперед технику, предлагает различные усовершенствования, работает головой и этим путем сам достигает повышения по службе. В такой самостоятельности на всех участках хозяйственной жизни трудовые стремления самого узкого специалиста-работника обретают подлинную силу всей экономической жизни страны.

– Презрение к мелочным расчетам, что характерно для европейцев, совсем не свойственно

для американцев, стремящихся к экономической культуре: они интересуются целым и видят экономическую выгоду там, где выигрывают обе стороны: и дающий, и получающий, «таким образом самое мелкое занятие получает характер чего-то крупного» [9, с. 305].

– Зависть не свойственна американцам, ведь если в работе главное – не собственный заработок, а экономическая культура, то успех другого воспринимается наравне со своим успехом. «Американец испытывает буквально эстетическое наслаждение, наблюдая, как в сотнях мест совершается это экономическое движение вперед, и сам участвуя в этом движении; и чем большего достигают другие, тем сильнее каждым сознается все величие задачи» [9, с. 306]. Отсюда совершенно естественно следует

– Экономическое доверие к другому, основанное на чувстве чести и изобретательности («в Европе это было бы принято почти за непростительное легкомыслие»); именно «в этом – залог крепости и устойчивости экономической жизни Соединенных Штатов» [9, с. 307]. Вся экономическая жизнь строится на этом взаимном доверии. Это ведет к тому, что работник верит: всякий правильно поставленный вопрос может быть разрешен, и «разрешения его надо ожидать от самого себя, – в этом непременно разовьется душевная сила, ...именно – изобретательность. Ни в какой другой стране мира не делается так много изобретений» [9, с. 308].

– Еще одну черту как последствие духа самостоятельности – безусловную потребность в свободной конкуренции – отмечает Г. Мюнстерберг. «Кто хочет работать, тот должен требовать себе простора, а кто верит в самостоятельную ценность экономической культуры, тому простор для проявления экономических сил должен казаться желательным без всяких ограничений.... Только монополия, убивающая соревнование, противна экономическому инстинкту американца» [9, с. 310].

Безусловно, отрицательные качества также присущи американцам. Это небрежность, переходящая в грубость, по отношению к природе, к другим людям, к собственной личности. И если грубость к природе была отличительной чертой пионеров и от нее в обществе постепенно избавляются, то грубость по отношению к другим Мюнстерберг объясняет так: американец действует открыто и того же ожидает от других, другим он также предоставляет свободу самостоятельности, но, раз он вступил в борьбу, он хочет

победить любой ценой. На войне как на войне: нет места для сострадания, и экономическая победа не должна тормозиться сочувствием. «Американец, от природы столь любезный и предупредительный, благородный и сострадательный, сам любит говорить о себе, что в качестве делового человека он резок. Дух американской экономической жизни требует как бы известной военной дисциплины, а дисциплина всегда должна быть жестока. При добродушном ведении дел этот экономический подъем не был бы достигнут, подобно тому как добродушное войско не могло бы рассчитывать на победу» [9, с. 312]. Но к себе американец еще более беспощаден, ведь на пути к успеху он не щадит своих душевных и нервных сил, разрушая свое здоровье чрезмерным напряжением.

Он хвастлив при демонстрации своего богатства, потому что вполне естественно, что каждый, выставляя на вид свое богатство, желает показать тем самым, что он дельный человек. «Огромные бриллианты выполняют тогда до известной степени те же функции, что и титулы, и ордена» [9, с. 313]. К тому же эстетическое удовольствие чуждо американцу.

Итог этой главы звучит у автора сочувствующе и обнадеживающе: «Американец желает чувствовать, как преодолевается прошлое. ... Готовое для него не интересно; его возбуждает и привлекает то, над чем еще надо работать. ... внешняя гладкость была бы только кажущимся успехом. Трение, – то, что опасно для эстетики..., – придает смысл этой жизни, и оно же создало ее ни с чем не сравнимый экономический расцвет» [9, с. 315].

Вскоре Г. Мюнстерберг начал писать работы по прикладной психологии применимо к хозяйственной жизни. В начале XX в. американский бизнес был озабочен эффективностью. Эффективность означала более эффективную рекламу, повышение квалификации работников, научные методы управления, совершенствование процедуры отбора работников, более совершенные методы бухгалтерского учета и лучшие способы контроля производительности работников и качества их продукции. М. Яг. Нал писал, что «никакие вопросы в прикладной психологии на самом деле не привлекали его (Мюнстерберга. – В. Мазилев, Н. Стояхина, А. Махалин) больше, чем вопросы организации и эффективности производства. Более чем за 5 лет ... он расширил свой взгляд на весь спектр экономической психологии: профориентация, реклама, управление

персоналом, психологическое тестирование, утомление и монотония, мотивация и охрана труда» [23, с. 123]. Признавая растущую обеспокоенность бизнес-эффективностью, Мюнстерберг рекламировал перспективу психологии как науки о человеческой эффективности. Одним из его главных интересов в отношении эффективности было соответствие способностей работника требованиям работы. Он утверждал, что, когда работа и работник совместимы, работодатель получит очень довольного работника и хорошую производительность труда. У экспериментальной психологии, по его мнению, были инструменты, чтобы помочь создать такую идеальную совместимость, определяя психические качества, необходимые для любой работы.

В его книгах и статьях, а также в реальных проектах, проводимых, например, в Гамбургско-американской судоходной компании, Бостонской наземной железнодорожной компании, «Тиффани энд Компани», виден тот американский работник, описаниям психологических черт которого он посвятил два тома. Хотя карьера Мюнстерберга в индустриальной психологии была относительно короткой, его книга 1913 г. «*Psychology and Industrial Efficiency*» оказала значительное влияние на развитие этой области: психологические тесты стали частью практики бизнеса по оценке рекламных обращений, стиля управления, поведения потребителей, стратегий продаж, особенно кадровых вопросов, включая подбор персонала, анализ рабочих мест, оценку продуктивности и эффективности. Кадровые вопросы были следствием роста крупного бизнеса в Америке в начале XX в. Поскольку компании выросли в размерах, рабочие места стали более специализированными, а объемы контроля росли как по горизонтали, так и по вертикали, предприятия обнаружили, что необходимы новые методы для обеспечения эффективности работников. Чтобы удовлетворить эту потребность, компании создали отделы кадров, которые были централизованными офисами для найма и подбора работы. Эти отделы, которые к 1920-м гг., как правило, включали психологов в качестве консультантов или штатных сотрудников, акцентировались на профессиограммах, где определялись характеристики всех рабочих мест, а также на тестировании сотрудников для достижения соответствия между их навыками и требованиями работы. Это то, что Мюнстерберг предполагал в своей новой прикладной науке.

В Советском Союзе в начале 1920-х гг. проблема новых рабочих кадров стояла остро. Публицист и журналист, революционер Л. Сосновский призывал искать «новых» людей – «русских американцев», чтобы ставить их на ведущие места и «следить, чтобы рязанско-пошехонско-чебоксарское губошлепство не затерло их на первых порах» [18, с. 3], а уж потом «американцы» сами отбросят «губошлепов». Нужны люди, которые умеют работать таким темпом и с таким напором и нажимом, каких не знала старая Русь, которые «основательно подумают, прежде чем взяться за дело, но, взявшись за него – без всяких “авось” и “небось” – с несокрушимой верой в наши творческие силы, с трезвой их оценкой пойдут до конца», они «не хнычут по поводу “объективных условий”, но бьют в лоб всякое губошлепство, волокиту, самовлюбленность». За ними нужно наблюдать, «сплотить их в стальную когорту, заставить по ним равняться остальных» [18, с. 3].

Какие же черты было решено «взять» у американцев? Отношение ко времени как безусловной ценности. Понятие «время» было выбрано в качестве ведущего для названия движения, чтобы указать ценность времени и необходимость борьбы с растратчиками времени. Первый, кто писал об этом, – П. М. Керженцев в заметке «Время строить аэропланы», на которую откликнулись в «Правде» статьями «Еще о времени и аэропланах» Самарин и «Время строит наше будущее» Б. А. Вакс, подхватившие клич об экономии времени. И. Е. Сироткина описывает случай, произошедший с Керженцевым: однажды он вместе с американским гостем стали свидетелями того, как митинг никак не мог начаться целых три часа из-за отсутствия выступающего, которого ожидали три с половиной тысячи рабочих. Спутник тут же подсчитал временные потери, которые составили 7 000 рабочих часов, что привело в ужас Керженцева и способствовало организации Лиги «Время» [16, с. 111].

Всесоюзное движение, начатое П. М. Керженцевым, оформилось в «Лигу “Время”», и новые слова «времизм» и «нотизм» выделились двумя флангами одного и того же движения – за рационализацию труда. В газете «Правда» открыли специальную рубрику «Борьба за время» – корреспонденты делились внедрением движения за учет времени в различных организациях, например, в школах и детских коллективах. Предлагалось воздействовать на растратчиков времени путем непосредственного указания

растратчикам на их проступки; давления через местком или администрацию; сообщения на черной доске и в печати; жалобы в горком «Лиги “Время”».

Известный советский хозяйственник и партизанин, первый начальник Главного управления Аэрофлота А. З. Гольцман подчеркивал: главное – темп. «В нынешнем производстве время – решающий элемент. ... Надо сделать рабочего синхронным заводской жизни. Его сердце должно биться в унисон с темпом машины. Темп человека должен быть темпом работы. Если вы поймали темп, вы – хозяин завода. Отстаньте на одну треть – кажут: вы – его раб! Приспособить человека к производству – значит привить ему темп. Обладая темпом работы, вы обладаете темпом ориентировки, темпом рефлексов» [2, с. 22].

А. К. Гастев в статье в «Правде» (09.08.1923) говорил о формировании «установки на время» как очередной задачи, стоящей перед страной в области упорядочения производственной работы и всей жизни. Он заметил важную черту психологического явления «время», связанную с тем, что «индустриальная установка времени накладывает свою хронометричность на всю культурную жизнь народа», а в условиях, слабо представляющих и регулирующих нормы времени в нашей жизни, нельзя создавать субъективные установки на время, и предложил «проводить хронизацию жизни мерами преимущественно субъективного воздействия», то есть производить учет времени, создавая установку на время.

С. Новиков писал о «материализации времени», связывая экономию времени с пролетарской идеологией: «Точка опоры уже найдена. Эта пролетарская идеология выкована годами труда и борьбы. Остается найти только время как средство. Оно у нас есть, но тратится непроизводительно, а иногда даже совсем не находит себе применения и пропадает зря». То, что называют «невольным сгоранием» – это «копоть в работе», вредный шум и лишний треск. Далее идут конкретные предложения автора: «Уметь распределить время в работе так, чтобы ни одной минуты не пропадало зря, не хлябало между делом... Надо выигрывать время и темп, развивать свою технику, ловкость и силу. Вот основные элементы, вводя которые в нашу жизнь и работу, мы начнем создавать, увеличивать свои средства» [5, с. 13].

Врач-«эльвист» И. А. Залкинд считал предпосылкой всякой НОТовской работы воспитание

«чувства времени». Это и делали эльвисты-добровольцы, создававшие «почву для НОТовской работы в целом» через решение следующих задач: 1) путем физиологических и психологических испытаний устанавливается зависимость между нарушением ритма в работе, сне, приеме пищи, другими функциями организма и продуктивностью работы и 2) статистической обработкой плано- или хронокарт эльвистов устанавливается, упражняемо ли «чувство времени» [4, с. 34].

Нотовская борьба за время приобретала порой экзотические формы, как, например, организованный кружок «НОТ» и ячейка «Время» при «Мастерской пространственных искусств» Пролеткульта. Кружковцы изучали условия труда художника-производственника путем учета трудовых навыков, наблюдения и опытов, стремились рационализировать работу художников, «до сих пор пребывающую в хаотических условиях богемы» [14], ставили проблемы труда, производства и быта, уплотнения рабочего времени. Руководитель обоих кружков Н. Тарабукин разработал форму карточки для учета работы и времени, которая давала возможность делать выводы не только на материале, полученном путем наблюдения и самонаблюдения, но и пользоваться статистическими данными. Подобные проблемы в применении к труду и производству художника ставились впервые и были признаны необходимыми попытками перейти от изучения только физического труда к труду умственному.

Идея НОТ отразилась и в театре через соединение искусства с производством. Как пишет И. Е. Сироткина, режиссер превращался в «художника-машиниста», актер – в «механизованное тело», театр становился «предприятием индустриального типа», основанным на «строгой нормировке», экономии сил и максимальной количественной и качественной производительности», в театральных школах планировали преподавать «электротехнику, механику, математику, ритмику», «художественное оформление трудовых процессов» [16, с. 112].

Г. Мюнстерберг представляет собой удивительный пример успешной деятельности в результате мобильности ученого. Дж. Бен-Дэвид и Р. Коллинз описали этот случай: когда в одной дисциплине шансы на успех ученого невелики «из-за переполненности научной области исследователями при фиксированном количестве должностей» [1, с. 94], ученый переходит в об-

ласть с меньшим статусом и стремится с помощью инновации повысить свой статус.

Представляется, что главной заслугой Г. Мюнстерберга является разработка основ психотехники². «Когда в апреле этого года (1912. – В. Мазилев, Н. Стоюхина, А. Махалин) в Берлине состоялся конгресс германских психологов, то на первом же заседании был прочитан обстоятельный доклад об успехах практического применения психологии. В дебатах по этому вопросу я выразил удивление, что доклад совершенно не касался хозяйственно-психологических вопросов. Я подчеркнул то обстоятельство, что как раз в этой области психология призвана оказать существенную и ценную помощь, и упомянул о том, что первые шаги в этом направлении мною уже сделаны» [11, с. 4]. Напомним, что через два года Мюнстерберг даст свое знаменитое определение психотехники как всей совокупности идей о практическом приложении психологии к задачам культуры.

В заключение обратимся к еще одному аспекту творчества Мюнстерберга – историка психологии: «...с прикладной психологией дело обстояло почти так же, как когда-то с теоретической психологией. И последняя тоже выросла, в сущности, не из самой психологии. Первые психологические эксперименты были предприняты физиологией, физикой и даже астрономией и другими дисциплинами, и лишь постепенно новый метод был усвоен самой психологией. Таким образом, и прикладная психология развивалась первоначально в кругу педагогики, медицины и юриспруденции, но так как эти попытки практической работы встретили чрезвычайно благоприятные условия в сфере самой психологии, то они и имели возможность быстро вылиться в форму самостоятельной психологической дисциплины» [12, с. 19]. Как мы полагаем, деятельность Мюнстерберга как историка в отечественной литературе еще не проанализирована должным образом.

И наконец, самое последнее: «За последние годы прикладная психология представляет собой не только отвлеченное требование, не простое собирание разрозненных стремлений втиснуть в практическую жизнь добытое теоретическим путем и не чисто внешнее сопоставление практическо-психологических данных в различных отдельных отраслях: она стала теперь внутренне единой, исчерпывающей наукой, которая развивается из и на основании условий своего внутреннего роста» [12, с. 19]. В этом, как представ-

ляется, значительную роль сыграл Гуго Мюнстерберг, «большой психолог и методолог психологии».

Библиографический список

1. Бен-Дэвид, Дж. Социальные факторы при возникновении новой науки: случай психологии [Текст] / Дж. Бен-Дэвид, Р. Коллинз. – Логос. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 79–104.
2. Гольцман, А. Реорганизация человека [Текст] / А. Гольцман. – Л. : Госиздат, 1925. – 55 с.
3. Ждан, А. Н. История психологии. От античности к современности [Текст]: учебник для вузов / А. Н. Ждан. – М. : Академический проект – Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 528 с.
4. Залкинд, И. А. Задачи Лиги «Время» – Лиги НОТ с точки зрения учения об условных рефлексах [Текст] / И. А. Залкинд // Время. – 1924. – № 9 (июнь). – С. 30–34.
5. Залкинд, И. А. Время и НОТ [Текст] / И. А. Залкинд // Система и организация. – 1923. – № 3–4. – С. 12–13.
6. Люк, Х. Е. История психологии. Течения, школы, пути развития [Текст] / Х. Е. Люк. – М. : Научный мир, 2012. – 272 с.
7. Мазиллов, В. А. Стоюхина, Н. Ю. Парадигма воздействия в работах Гуго Мюнстерберга и первых психотехников [Текст] / В. А. Мазиллов, Н. Ю. Стоюхина // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 3. – Т. 2. – С. 179–190.
8. Мунипов, В. М. Основатель психотехники Г. Мюнстерберг – предтеча Л. С. Выготского в методологии психологического познания [Текст] / В. М. Мунипов // Культурно-историческая психология. – 2005. – № 2. – С. 48–62.
9. Мюнстерберг, Г. Американцы : в 2-х тт. – Т. 1. Политическая и экономическая жизнь ; пер. с немецкого А. А. Громбаха [Текст] / Г. Мюнстерберг. – М. : Склад изданий: М., Моховая, д. Бенкендорф, книжный магазин Д. П. Ефимова, 1906. – 423 с.
10. Мюнстерберг, Г. Американцы : в 2-х тт. – Т. 2. Духовная и социальная жизнь ; пер. с немецкого А. А. Громбаха [Текст] / Г. Мюнстерберг. – М. : Склад изданий: М., Моховая, д. Бенкендорф, книжный магазин Д. П. Ефимова, 1907. – 282 с.
11. Мюнстерберг, Г. Основы психотехники. Ч. I–II [Текст] / Г. Мюнстерберг. – СПб. : П. Э. Т., Алетейя, 1996. – 350 с. – С. 4.
12. Мюнстерберг, Г. Психология и экономическая жизнь [Текст]; пер. с нем. М. Кручинина / Г. Мюнстерберг. – М. : К-во «Современные проблемы», 1914. – 290 с.
13. Носкова, О. Г. История психологии труда в России (1917–1957) [Текст]: учеб. Пособие ; под ред. проф. Е. А. Климова / О. Г. Носкова. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 334 с.

14. «НОТ» и «Время» в Пролеткульте [Текст] // Горн: литературно-художественный и общественно-научный журнал. – М., 1923. – Кн. 9. – С. 172.

15. Помогайбин, В. Н. История психологии: эволюция основ [Текст] / В. Н. Помогайбин. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. – 520 с.

16. Сироткина, И. Свободное движение и пластический танец в России [Текст] / И. Сироткина. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 328 с.

17. Смит, Р. История психологии [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р. Смит. – М. : Академия, 2008. – 416 с.

18. Сосновский, Л. Что я буду делать в 1923 г. [Текст] / Л. Сосновский // Правда. – 1923. – 3 января. – С. 3.

19. Стоюхина, Н. Ю. История советской психотехники: психология воздействия [Текст]: учебное воздействие / Н. Ю. Стоюхина. – М. : Логос, 2012. – 324 с.

20. Стоюхина, Н. Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920–1930-е гг. [Текст]: монография / Н. Ю. Стоюхина. – Ярославль : РИО: ЯГПУ, 2016. – 429 с.

21. Стоюхина Н. Ю., Мазиллов В. А. Парадигма воздействия в работах первых отечественных социальных психологов [Текст] / Н. Ю. Стоюхина, В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. – № 2. – 2016. – С. 95–104.

22. Шульц Д. П. История современной психологии [Текст] / Д. П. Шульц, С. Шульц. – СПб. : Евразия, 2002. – 532 с.

23. Benjamin, L. T. Hugo Münsterberg: Portrait of an Applied Psychologist [Текст] / Ludy T. Benjamin, Jr. // Portraits of pioneers in psychology / ed. by G. A. Kimble and M. Wertheimer. – Washington, D. C., 2000. – P. 113–130.

Bibliograficheskij spisok

1. Ben-Djevid, Dzh. Social'nye faktory pri vzniknovenii novoj nauki: sluchaj psihologii [Tekst] / Dzh. Ben-Djevid, R. Kollinz. – Logos. – 2002. – № 5–6 (35). – S. 79–104.
2. Gol'cman, A. Reorganizacija cheloveka [Tekst] / A. Gol'cman. – L. : Gosizdat, 1925. – 55 s.
3. Zhdan, A. N. Istorija psihologii. Ot antichnosti k sovremennosti [Tekst]: uchebnik dlja vuzov / A. N. Zhdan. – M. : Akademicheskij projekt – Ekaterinburg: Delovaja kniga, 2002. – 528 S.
4. Zalkind, I. A. Zadachi Ligi «Vremja» – Ligi NOT s tochki zrenija uchenija ob uslovnyh refleksah [Tekst] / I. A. Zalkind // Vremja. – 1924. – № 9 (ijun'). – S. 30–34.
5. Zalkind, I. A. Vremja i NOT [Tekst] / I. A. Zalkind // Sistema i organizacija. – 1923. – № 3–4. – S. 12–13.
6. Ljuk, H. E. Istorija psihologii. Tehenija, shkoly, puti razvitija [Tekst] / H. E. Ljuk. – M. : Nauchnyj mir, 2012. – 272 s.
7. Mazilov, V. A. Stojuhina, N. Ju. Paradigma vozdejstvija v rabotah Gugo Mjunsterberga i pervykh psi-

- hotehnikov [Tekst] / V. A. Mazilov, N. Ju. Stojuhina // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2014. – № 3. – Т. 2. – С. 179–190.
8. Munipov, V. M. Osnovatel' psihotehniki G. Mjunsterberg – predtecha L. S. Vygotskogo v metodologii psihologičeskogo poznanija [Tekst] / V. M. Munipov // Kul'turno-istoričeskaja psihologija. – 2005. – № 2. – С. 48–62.
9. Mjunsterberg, G. Amerikancy : v 2-h tt. – Т. 1. Politicheskaja i jekonomičeskaja zhizn' ; per. s nemeckogo A. A. Grombaha [Tekst] / G. Mjunsterberg. – М. : Sklad izdanij: М., Mohovaja, d. Benkendorf, knizhnyj magazin D. P. Efimova, 1906. – 423 s.
10. Mjunsterberg, G. Amerikancy : v 2-h tt. – Т. 2. Duhovnaja i social'naja zhizn' ; per. s nemeckogo A. A. Grombaha [Tekst] / G. Mjunsterberg. – М. : Sklad izdanij: М., Mohovaja, d. Benkendorf, knizhnyj magazin D. P. Efimova, 1907. – 282 s.
11. Mjunsterberg, G. Osnovy psihotehniki. Ch. I–II [Tekst] / G. Mjunsterberg. – SPb. : P. Je. T., Aletejja, 1996. – 350 S. – С. 4.
12. Mjunsterberg, G. Psihologija i jekonomičeskaja zhizn' [Tekst] ; per. s nem. M. Kruchinina / G. Mjunsterberg. – М. : K-vo «Sovremennye problemy», 1914. – 290 s.
13. Noskova, O. G. Istorija psihologii truda v Rossii (1917–1957) [Tekst] : uceb. Posobie ; pod red. prof. E. A. Klimova / O. G. Noskova. – М. : Izd-vo MGU, 1997. – 334 s.
14. «NOT» i «Vremja» v Proletkul'te [Tekst] // Gorn: literaturno-hudozhestvennyj i obshhestvenno-nauchnyj zhurnal. – М., 1923. – Kn. 9. – С. 172.
15. Pomogajbin, V. N. Istorija psihologii: jevoljucija osnov [Tekst] / V. N. Pomogajbin. – М. : ZAO «OLMA Media Grupp», 2013. – 520 s.
16. Sirotkina, I. Svobodnoe dvizhenie i plasticheskij tanec v Rossii [Tekst] / I. Sirotkina. – М. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 328 s.
17. Smit, R. Istorija psihologii [Tekst] : uceb. posobie dlja stud. vyssh. uceb. zavedenij / R. Smit. – М. : Akademija, 2008. – 416 s.
18. Sosnovskij, L. Chto ja budu delat' v 1923 g. [Tekst] / L. Sosnovskij // Pravda. – 1923. – 3 janvarja. – S. 3.
19. Stojuhina, N. Ju. Istorija sovetskoj psihotehniki: psihologija vozdejstvija [Tekst] : ucebnoe vozdejstvie / N. Ju. Stojuhina. – М. : Logos, 2012. – 324 s.
20. Stojuhina, N. Ju. Psihologija vozdejstvija v sovetskoj psihotehnike: 1920–1930-e gg. [Tekst] : monografija / N. Ju. Stojuhina. – Jaroslavl' : RIO: JaGPU, 2016. – 429 s.
21. Stojuhina N. Ju., Mazilov V. A. Paradigma vozdejstvija v rabotah pervyh otechestvennyh social'nyh psihologov [Tekst] / N. Ju. Stojuhina, V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – № 2. – 2016. – S. 95–104.
22. Shul'c D. P. Istorija sovremennoj psihologii [Tekst] / D. P. Shul'c, S. Shul'c. – SPb. : Evrazija, 2002. – 532 s.
23. Benjamin, L. T. Hugo Münsterberg: Portrait of an Applied Psychologist [Tekst] / Ludy T. Benjamin, Jr. // Portraits of pioneers in psychology / ed. by G. A. Kimble and M. Wertheimer. – Washington, D. C., 2000. – P. 113–130.

¹ Пуганица возникает в связи с тем, что и позднее Г. Мюнстерберг бывал в Германии и работал там. «Осенью 1910 г., будучи командирован Гарвардским университетом на год в Берлинский университет, я, наряду с разными лекциями по философии, читал там и курс прикладной психологии. В первый раз эта новая научная область была представлена с университетской кафедры планомерно и систематически, как одно целое» [12, с. 3].

² Анализ методологических взглядов Г. Мюнстерберга представляет отдельную задачу. Авторы планируют посвятить этому вопросу отдельную работу.